

— О? А что с Цичэнем? — с живым интересом спросил Сяо Ципин.

— У меня с отцом договорённость: в этом году на зимних учениях я отправлюсь в Гвардию доблестной кавалерии, чтобы проверить, годюсь ли я для службы там, — ответил Су Янь. — Но Шестой принц слишком простодушен, не любит соперничества, и я боюсь, как бы ему не навредили. После нашей последней встречи это чувство только усилилось. Возможно, это моя личная прихоть, но мне хочется побыть рядом с ним подольше.

— Ты-то... — Сяо Ципин обернулся, протянул руку, чтобы Су Янь поддержал его, и они направились к главному залу. Наследник редко шутил, но сейчас в его голосе прозвучала игривая нотка. — Столько лет о нём беспокоился, а теперь и вовсе не отходишь. Хорошо ещё, что Цичэнь — принц. Будь он принцессой, через пару лет ты бы уже сватался.

Су Янь склонил голову:

— Ваше Высочество шутите.

Сяо Ципин махнул рукой, давая понять, что тема исчерпана, и продолжил уже серьёзно:

— Забота — дело хорошее, но ты ещё молод. Если хочешь достичь в жизни чего-то значительного, подобные привязанности стоит отложить в сторону. Мужчине подобает стремиться к великому, а не томиться в стенах Тайчэна. Моя судьба уже предрешена, и я лишь надеюсь, что Цичэнь не повторит моих ошибок, не будет всю жизнь прозябать в бездействии и покорности.

Что он имел в виду? Неужели он всё понял?

Сяо Цичэнь, притаившийся под галереей, нахмурился, вонзив ногти в ладони до боли.

Сяо Ципин продолжал:

— Намерения отца мне ясны. На посту наследного принца мне долго не продержаться. Но прежде чем я уйду, я постараюсь помочь Цичэню. Отец по-прежнему к нему благосклонен и наверняка согласится вернуть его в Чертог Чэнлань, где ему больше не придётся зависеть от чужих милостей. Ты пока не отправись на границу, так что присмотри за ним.

В словах наследника Су Янь уловил скрытую тревогу, но не посмел вдаваться в размышления, лишь ответил:

— Слушаюсь.

Их шаги постепенно затихли. Сяо Цичэнь вышел из-под галереи во двор. Он наклонился, поднял с земли небольшой камешек, немного подержал его в руке, а затем бросил в пруд. Золотая рыбка, вспугнутая внезапным всплеском, мелькнула почти прозрачным хвостом у самой поверхности. Отражение утреннего солнца в воде было таким ярким, что резало глаза.

Осенью двадцать девятого года правления Туннин император отрёл наследного принца Сяо Ципина от престола, сославшись на «волю Небес, физический недостаток и неспособность нести бремя наследника». Сжалившись над старшим сыном, некогда павшим жертвой клеветы, государь отменил унижительную церемонию отречения, пожаловал ему титул князя Чу и земли в Инчжоу. В Цзиньлине для него выстроили дворец Цзиньвана, а в утешение подарили императорский сад Бован.

Весной тридцатого года правления Туннин Сяо Ципин прошёл церемонию совершеннолетия и покинул Тайчэн. В сопровождении всего двух служанок он навсегда ушёл из Восточного дворца, где прожил десять лет, не взяв с собой ничего, кроме письменных принадлежностей.

Сяо Цичэнь вернулся в Чертог Чэнлань. Теперь он, Люй-и и несколько младших евнухов жили в огромном, холодном и пустынном дворце. К счастью, принцу разрешили присутствовать на дворцовых собраниях, так что дни его не проходили в полной праздности.

Су Яня же ещё в начале года по прошению генерала Су Чжи перевели в подчинение маркизу Пиньюаню и направили служить в Гвардию доблестной кавалерии, расквартированную в Северном Суючжоу.

Суючжоу с древних времён был местом стратегического значения. Именно отсюда император Тайцзу начал свой поход на Цинчжоу и Ланья, двинулся на запад и в итоге взял Чанъянь. Армией, захватившей тогда Суючжоу, и была Гвардия доблестной кавалерии. С тех пор она находилась под прямым командованием великих генералов и считалась элитой империи Лян.

Соответствуя своему названию, это подразделение под началом маркиза Пиньюаня состояло исключительно из конницы, прекрасно вооружённой и обученной. Их было всего три тысячи, но каждый боец стоил десяти.

Гвардия подчинялась непосредственно маркизу Пиньюаню, а тот, в свою очередь, имел особую привилегию: без санкции императора, но в рамках своих полномочий, он мог в любой момент перемещать её для патрулирования границ. Последние десять лет в империи царил мир, поэтому гвардейцы поочерёдно несли службу к северу, западу и югу от Цзиньлина. В случае необходимости они могли стать как наступающим мечом, так и последней линией обороны столицы.

Су Янь попал в их ряды во многом благодаря протекции отца, но и сам не подвёл: на прошлогодних зимних учениях, используя приёмы ближнего боя, которым его научил Жань Цю, он уложил на лопатки нескольких заместителей командира, а в стрельбе из лука и верховой езде и вовсе занял первое место. Молодой да ранний — заместители признали поражение и даже изрекли: «Воистину, у достойного отца и сын не подкачает».

В Суючжоу Су Янь проводил дни в тренировках с солдатами, а в свободное время жадно штудировал военные трактаты в своей палатке. Армейская атмосфера разительно отличалась от расслабленной службы в Императорской гвардии: здесь царила строгая дисциплина, а на досуге воины обменивались боевым опытом или разыгрывали сражения на песочных картах. Прожив здесь несколько месяцев, Су Янь постиг всю прелесть такой жизни и погрузился в неё всё глубже.

В Суючжоу были северные и южные ворота, а через город протекала река Сышуй. Чжан Ли, один из четырёх заместителей командира Гвардии, проверяя северные ворота, заметил внизу у стены знакомую фигуру. Длинный лук за спиной, меч на поясе, ярко-красный плащ поверх серебряных доспехов — это был Су Янь.

— Молодой маркиз! — окликнул его Чжан Ли с городской стены. — Как это вас сегодня к воротам занесло?

Су Янь огляделся, поднял голову и, увидев Чжан Ли, улыбнулся:

— Прогуливаюсь, да и решил подменить караул. Дело мне знакомое.

Чжан Ли вспомнил, что Су Янь когда-то нёс службу у Врат Великого маршала, и усмехнулся:

— Только не забудьте про вечернюю тренировку. Шэнь Чэнцзюнь грозитесь задать вам жару, молодой маркиз. Не спускайте ему!

Су Янь кивнул с улыбкой, приняв этот устный вызов. Чжан Ли скрылся за зубцами стены, а Су Янь и впрямь сосредоточенно принялся проверять подорожные грамоты у всех входящих в город.

Так прошла добрая половина дня. Су Янь отступил к стене, прислонился к ней и бегло оглядел окрестности. Его взгляд упал на отряд всадников вдалеке.

Люди выглядели уставшими, будто провели в пути не один день. Во главе ехал бородач, одетый в платье, совершенно непохожее на ханское. Су Янь никогда не бывал за Великой стеной, но с детства, благодаря отцу, разбирался в таких вещах. Он мгновенно насторожился и нахмурился.

— Эти люди подозрительны, — тихо сказал он стоявшему рядом часовому.

Пока он говорил, отряд уже подъехал к воротам Сюйчжоу. Су Янь взмахнул рукой, и стражи с обеих сторон бросились вперёд, преградив путь. Вожак, видимо, не ожидал такого приёма и растерялся.

Су Янь шагнул вперёд и строго спросил:

— Ваши имена? Откуда путь держите? Куда следуете после Сюйчжоу? Предъявите подорожные грамоты.

Его вопросы посыпались, как град. В отряде какая-то девица, помоложе, ухватилась за рукав соседа и вдруг разрыдалась. Су Янь смутился, но отвлекаться на неё не стал, устремив взгляд на бородача.

Тот, понимая, что его внешность говорит сама за себя, не стал отпираться и на хорошем ханском ответил:

— Мы торговый караван из-за стены, направляемся в Цзиньлин и Линьань по коммерческим делам. Мы — уйгурские купцы. Между Лян и уйгурами издавна мир, почтенный военачальник, к чему такие строгости?

Су Янь нахмурился. «Кто спрашивал, какой вы народности?» — подумал он, но вслух сказал иное:

— В самом деле? Но из Уйгурии сюда путь лежит через Заставу Нефритовых Врат, затем через Заставу Тун, а от Цзянлина вниз по реке до Цзиньлина — всего день пути. Зачем же вам было делать такой крюк?

Вожак запнулся, начал что-то невнятно бормотать про торговые пути и незнание местности. Пока тот оправдывался, Су Янь уже бегло просмотрел предъявленные грамоты. Он что-то негромко «хм»кнул, передал документы одному из стражников и твёрдо произнёс:

— На грамотах нет печати Заставы Нефритовых Врат. Тогда позвольте спросить: через какую же именно заставу вы миновали Великую стену — Яньмэнь или Юньмэнь? Не просветите?

Не дав им опомниться, Су Янь отступил на шаг и приказал страже:

— Взять под стражу. Позже генерал сам проведёт допрос.

Один из часовых, глядя, как подозрительных путников уводят, спросил:

— Молодой маркиз, а если мы ошиблись?

— Взгляните на пояс той девицы, — ответил Су Янь. — Узор на нём — голова чёрного волка. Это тотем тюркского племени хуянь — тех самых, которых генерал недавно наголову разбил. Уйгуры, изгнанные тюрками на запад, питают к ним лютую ненависть. С какой стати они стали бы носить тотем своих злейших врагов? Эти люди — тюрки. Они не послы и не казённые торговцы. Их появление в городе в такое время не сулит ничего доброго.

Сказав это, Су Янь взвалил на плечо свой колчан, стоявший у ворот, вскочил на своего вороного коня и, свистнув, ускакал, оставив стражников в полном недоумении.

Су Янь доложил обо всём Су Чжи, и тот пообещал позже лично допросить пленников. Закончив с докладом, Су Янь уже собрался было откланяться — он помнил о вызове Шэнь Чэнцзюня, — но Су Чжи вдруг остановил его:

— Янь, из дворца пришло письмо.

<http://bllate.org/book/15940/1424968>